

¹ Микроистория — направление в истории, занимающееся изучением малых территорий и общностей прошлого, например, небольшого города, квартала, семьи и т. д. Цель — реконструкция их повседневной жизни, чаще всего выпадающей из так называемой большой истории.

Идея нашей книги выросла из интереса к истории повседневности, из стремления воспринимать прошлое сквозь призму микроистории¹ и обыденной жизни людей в пику официозу и большим нарративам. Из последних часто выпадают целые пласты событий, явлений и жизней, не вписывающиеся в них из-за недостатка «великих достижений», неудобства или парадоксальности фактов. При этом они могут быть важными для многих из нас.

Этой книгой мы попытались решить две задачи. Первая — с помощью документов, газетных и журнальных публикаций того времени, немногочисленных современных работ историков и интервью с бывшими и нынешними жителями разузнать в деталях, как за несколько послевоенных лет в Ленинграде успели спроектировать, построить и запретить малоэтажное жилье — те самые «немецкие» двух-трехэтажки, о которых все слышали, но фактически мало что знали, — и как вокруг них возник «немецкий» миф. Вторая задача — подробно зафиксировать на фото пленке один такой малоэтажный микрорайон, который, видимо, скоро пойдет под снос и в котором прошло детство одного из авторов.

В истории советской архитектуры малоэтажное жилищное строительство первых послевоенных лет не нашло подробного освещения ни в советское время, ни после. Между тем это был первый в СССР по-настоящему массовый, повсеместный опыт

возведения жилья именно для рабочего класса, ведь до войны новые жилые дома в городах строили в основном для номенклатуры (единичные экспериментальные жилмассивы 1920-х годов не в счет). Те, кто не относился к господствующему классу, вынуждены были мыкаться по коммуналкам и баракам.

Короткий период с момента окончания Второй мировой войны и до смерти Сталина был ознаменован в Советском Союзе некоторым «послаблением» политического режима, которое, правда, быстро сменилось новым ужесточением. Во время той скоротечной «либерализации», вероятно, и возник вопрос о строительстве жилья для того социального класса, от имени которого вроде как выступала партия большевиков. Как бы там ни было, с послевоенными малоэтажками связаны теперь тысячи прожитых жизней, и в бывшем Советском Союзе нет, наверное, ни одного города, где не было бы построено хотя бы одного поселка или квартала из двух- и трехэтажных «немецких» домов. Мифы, возникшие вокруг них, — явление столь же распространенное, хотя и местами сильно преувеличенное; так часто бывает, когда достоверная информация в дефиците.

На фоне торжества современных антигуманных «человекоунижающих» опыт жилищного строительства эпохи позднего сталинизма выглядит на удивление человечным, «социально ориентированным» человеку, как это принято называть в отечественной архитектурной публицистике, хотя человечность эта была тогда скорее вымученной и быстро сошла на нет: малоэтажный эксперимент в Ленинграде власти признали неудачным и постановили свернуть.

***

Структура нашей книги не совсем обычная.

Книга разделена на две части. В 16 главах первой части рассказывается об истории строительства «немецких» малоэтажек в послевоенном Ленинграде, опыте жизни в них и современном их состоянии. Вопреки отечественной традиции, акцент в тексте сделан не на стилях и зодчих, а на социально-политическом контексте и бытовых под-

робностях послевоенной жизни: их позволяют раскрыть тогдашние документы и газеты, прекрасно передающие дух времени, и, конечно, воспоминания бывших и нынешних жильцов. Текст иллюстрируют проекты планировок районов малоэтажной застройки и черно-белые архивные фотографии. Последние подбирались по принципу «меньше реализма социалистического, больше реализма документального».

Во второй части представлены сделанные в 2020 и 2021 годах цветные фотографии 60 домов одного из малоэтажных кварталов за Нарвской заставой, который расположен между улицами Трефолева, Турбинной, Баррикадной и Новоовсянниковской. Почему именно он? Об этом — в отдельном небольшом предисловии ко второй части.

Юлия Галкина, Максим Шер

«Наши архитекторы и планировщики отказались от так называемых коммунальных квартир с большим числом комнат, длинными коридорами, с неизбежной теснотой в местах общественного пользования. Новые квартиры рассчитаны, как правило, на одну семью и состоят большей частью из двух-трех комнат», — ФРАГМЕНТ СТАТЬИ В ГАЗЕТЕ «ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД»¹.

¹ Новые дома // Вечерний Ленинград. 1947. 10 апреля. С. 3.

В октябре 2021 года, гуляя по Коммунару, — областному городу в 40 км от Петербурга, — я увидела памятный знак с надписью: «Здесь покоятся военнопленные жертвы Второй мировой войны: немцы, эстонцы, французы, голландцы, латыши, австрийцы, венгры». Знак открыли в середине 1990-х при участии немецкой делегации. Раньше на этом месте было кладбище военнопленных, потом — территория школьного сада, а сейчас строят храм. В нескольких сотнях метров от памятного знака, там, где Ленинградское шоссе пересекается с Ленинградской улицей, стоят типовые двухэтажные дома с уставшими желтыми фасадами. Возможно, их строили те самые немцы, эстонцы, французы, голландцы, латыши, австрийцы, венгры. Или все же нет: по документам, дата постройки домов — начало 1950-х, а тех же пленных немцев из Ленинграда и области к тому моменту давно вернули на родину.

Репатриировали, а нарратив остался. Вот что говорят современные жильцы петербургских двух- и трехэтажных домов, построенных сразу после войны:

Анна Станкевич (40 лет, в 2009 году переехала из центра Санкт-Петербурга в район Нарвской заставы): «Про пленных немцев по секрету рассказал кто-то из соседей на прогулке с собакой сразу после переезда. И глаза страшные сделал. Звучало это вполне правдоподобно. Но потом стала обращать внимание на похожие домики, построенные не только в Петербурге, и до сих пор задаюсь вопросом: „Это же сколько пленных немцев было у нас в стране, что они все успевали строить?“»

Сергей Мельников (42 года, семья живет в малоэтажном доме в районе Нарвской заставы с 1965 года): «Не помню, кто мне рассказал, но с детства слышал, что немцы строили это здание».

Иван Князев (62 ГОДА, АРХИТЕКТОР, ЖИВЕТ В ОДНОМ ИЗ ДОМОВ У СТАНЦИИ МЕТРО

«УДЕЛЬНАЯ»): «Все жильцы говорили, что пленные немцы строили. Это „рукодельные“ дома, как на рубеже веков, и [лепнина] там получше была. Наши люди так делали при царе батюшке, а потом [технологии] были утеряны».

Пересказывая сюжет о пленных немцах на строительстве ленинградских малоэтажек, жители, как правило, ссылаются на родственников, соседей и интернет. «Мои, вернувшись после эвакуации, получили большую комнату и переехали с Васильевского острова на проспект Стачек, — пишет мне капитан маломерного судна Сергей Навагин. — Дети бегали смотреть на ту стройку [малоэтажных домов]. Мама рассказывала кратко: „Мы видели, как пленные немцы строили эти коттеджи“». Помимо устных историй и электронного фольклора, есть — очень скудные — документальные подтверждения, что спецконтингент задействовали при возведении двух-трехэтажных домов в Новой Деревне, за Нарвской заставой и в других районах Ленинграда. Прочитать об этом подробнее можно в главе «Пленные немцы».

Но гораздо больше, чем спецконтингента (военнопленных разных национальностей), — и даже немного больше, чем мужчин в целом, — на ленинградских послевоенных стройках было женщин. К 1947 году «удельный вес женщин в строительстве» на рабочих специальностях составлял почти 53%². Об этом — в главе «Строители и строительницы».

Архитектурный извод сюжета о пленных немцах звучит следующим образом: малоэтажные дома в послевоенном Ленинграде якобы строили по германским проектам.

Галина Петровна (82 ГОДА, ЕЕ СЕМЬЯ ЖИВЕТ В МАЛОЭТАЖНОМ ДОМЕ НА ШКОЛЬНОЙ

УЛИЦЕ С ПОСТРОЙКИ ЗДАНИЯ В 1951 ГОДУ): «Никаких военнопленных здесь не было. Это просто дома немецкого проекта».

Это не так. Проекты двух-трехэтажных домов разработали ленинградские архитекторы. Один из них, Александр Гегелло³, утверждал, что они впервые «столкнулись с про-

² ЦГАИПД СПб. Ф. 24
О. 2в. Д. 7662. Л. 183.

³ См. главу «Московский район».

ектированием малометражных квартир и малоэтажных городских домиков»⁴.

Искусствовед Игорь Бартенев указывал на сходство между послевоенными коттеджами и конструктивистскими жилмассивами 1920-х. В первую очередь — Тракторной улицей, соавтором которой был Гегелло: «Сходство это не случайно. Тогда, в 1924–1925 годах, строительство только начиналось... <...> И теперь, после войны, когда срочно надо было налаживать жилой фонд, строители вновь обращаются к кварталам поселкового типа»⁵.

После войны — как и до — от конструктивизма декларативно отрекались. Архитектор Николай Баранов в 1946 году назвал дома в жилмассивах 1920-х «невзрачными серыми коробками»⁶. Но наследие первого советского массового жилья для рабочих — в первую очередь Палевского жилмассива и Серафимовского городка⁷ — определенно проступает в фасадах малоэтажных послевоенных домов.

Впрочем, дома эти были очень разные. Восьмиквартирные двухэтажки того же Гегелло, с лихими скосами крыш, совсем не похожи на неоклассические особняки с колоннами Левинсона и Асса⁸. Привести послевоенные ленинградские проекты к единому — понятному и тиражируемому — знаменателю не получилось. Об этом — в главе «Типизация».

Попытка типизации — не единственная причина, почему в окраинных — в основном свободных от старой застройки — районах Ленинграда после войны стали строить именно двух-трехэтажные коттеджи, а не многоэтажки. «Основное преимущество малоэтажных домиков — это то, что малоэтажное жилье теоретически должно быстро строиться, быстро вводиться в эксплуатацию и должно давать больше экономического эффекта, чем наше многоэтажное жилстроительство», — говорил в октябре 1947 года Гегелло⁹.

На практике получилось иначе. История «немецких коттеджей» в Ленинграде — компактная, охватывающая приблизительно пять лет: от конкурса проектов в 1946 году до запрета на малоэтажное строительство в конце 1950 года. Историк Александр Ваксер называет строительство коттеджей «паллиативной мерой, продик-

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. О. 11. Д. 147.

⁵ Бартенев И. А. Зодчие и строители Ленинграда. Л., 1963. С. 238.

⁶ Архитектурный облик Ленинграда // Вечерний Ленинград. — 1946. — 20 апреля. — С. 2.

⁷ Палевский жилмассив — объект культурного наследия народов РФ, находится в Невском районе. Авторы: Алексей Зазерский и Николай Рыбин. Серафимовский городок — региональный объект культурного наследия, находится в Кировском районе рядом с Тракторной улицей и послевоенной малоэтажной застройкой. Как и Тракторную, Серафимовский городок спроектировали Александр Гегелло, Александр Никольский и Григорий Симонов.

⁸ См. главу «Невский район».

⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. О. 11. Д. 147.

10 Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982. СПб, 2005. С. 76.

11 Комфортабельные квартиры // Вечерний Ленинград. 1946. 15 мая. С. 2.

12 Городские коттеджи. Первый опыт строительства малоэтажных домов // Вечерний Ленинград. 1946. 11 декабря. С. 2.

13 То есть многоквартирных домов преимущественно в неоклассическом стиле, построенных в основном в годы правления Сталина.

тованной острейшим жилищным кризисом, слабостью строительной базы»¹⁰. Со своей задачей малоэтажки справились плохо: жилья все равно было катастрофически мало, во многие индивидуальные квартиры в итоге заселяли по две и более семей, лишь усугубляя коммунальный вопрос в Ленинграде. Об этом — в первой части «Хроника».

«Коттеджами» двух- и трехэтажные дома называли сами современники. Пример: «А. А. Оль предложил проект четырехквартирного дома типа коттеджа», — сообщала в 1946 году газета «Вечерний Ленинград»¹¹. Она же, чуть позже: «Каменные коттеджи занимают видное место в плане восстановления и развития города» (из заметки, которая так и озаглавлена — «Городские коттеджи»)¹².

«Немецкими» коттеджи стали, очевидно, позже — как самостоятельный подвид «сталинок»¹³. В технико-экономических паспортах домов, опубликованных на государственном портале «Наш Санкт-Петербург», используют именно этот эпитет: «немецкие». Тем не менее не все жильцы в курсе такого обозначения зданий.

Галина Перепелкина (54 года, семья живет в одном из малоэтажных домов у метро «Академическая» с 1970 года): «Не слышала о „немецких коттеджах“. Эти дома я никак не называю».

Сергей Мельников: «Вообще не слышал, чтобы эти дома как-то называли. Дома и дома».

Анна Станкевич: «Дома называю немецкими коттеджами. Удобно и многие понимают, о чем речь. И мне кажется, что втайне завидуют».

Систематизированных опубликованных исследований о послевоенных коттеджах Ленинграда почти нет. В городских путеводителях их если и упоминают, то кратко, не придавая большого значения их исторической значимости. Так, например, в путеводителе 1986 года «Ленинград» (среди авторов — Б. М. Кириков, Ю. М. Пирютко, В. Г. Лисовский) о малоэтажной застройке Новой Деревни — всего одно предложение в самом конце издания:

«В 1946–1948 гг. вдоль [Приморского] проспекта вырос „город-сад“ — обширный микрорайон, состоящий из 92 малоэтажных жилых зданий»¹⁴.

При атрибуции коттеджей исследователи, как правило, ссылаются на статью инженера Аркадия Любоша о малоэтажных домах, опубликованную в 1949 году в журнале «Архитектура и строительство Ленинграда». Мы постарались использовать весь доступный массив источников: архивы, городские газеты 1940-х годов, интервью с жильцами об их опыте быта.

Малоэтажные дома по типовым проектам после войны появлялись во многих городах СССР: в 1946 году их даже обсуждали на тематической конференции в Таллине¹⁵. Доктор архитектуры Юлия Косенкова в книге «Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов» отмечает: «Курс на малоэтажное строительство... отнюдь не был осмыслен как временная, вынужденная мера, связанная с низким уровнем строительной базы. Напротив, под него подводились гуманитарные основания, связанные с преимуществами для трудящихся жизни на земле, в неразрывной связи с природой. Тратилось немало усилий, чтобы доказать, что типовой малоэтажный дом — полноценное жилище, а составленные из таких домов поселки имеют право считаться „большой архитектурой“, которые наряду с монументами, отражающими пафос Победы, и составят среду полноценного города»¹⁶.

Ленинградские архитекторы, авторы малоэтажных проектов, прожили длинные жизни — почти все, кроме Якова Рубанчика, чьи дома стоят на Большой Охте. Он умер в 1948 году, не застав ни запрет коттеджей, ни появление в той же части города, только на Малой Охте, первых по-настоящему типовых и массовых построек — хрущевок.

¹⁴ Ленинград. Путеводитель. Л., 1986. С. 364.

¹⁵ См. главу «Другие города».

¹⁶ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М., 2009. С. 120.

5 января 1946 года в 11 утра на площади перед кинотеатром «Гигант»¹ повесили восьмерых немцев: генерал-майора Ремлингера и его подчиненных — Карла-Германа Штрюфинга, Эдуарда Зонненфельда, Эрнста Бема, Фрица Энгеля, Герхарда Янике, Эрвина Скотки и Эрвина Эрнста Герера². Их обвиняли в «массовых расстрелах, зверствах и насилии над мирным советским населением, сожжении и разграблении городов и сел, угоне советских граждан на немецкую каторгу»³. Еще троих трибунал Ленинградского Военного округа отправил на каторжные работы.

На кадрах кинохроники, снятой Ефимом Учителем, — четыре деревянные виселицы, по двое приговоренных к казни на каждую. Подъехали четыре машины. На немцев накинули петли. «Тронулись машины... Последняя точка опоры ушла из-под ног осужденных», — писал корреспондент «Ленинградской правды»⁴. «Многочисленные трудящиеся, присутствовавшие на площади, встретили приведение приговора в исполнение единодушным одобрением», — передавал ТАСС⁵.

«Все осужденные приняли смерть молча и без каких-либо жестов, — вспоминал журналист Павел Лукницкий. — Молчание царило и в многотысячной толпе ленинградцев, заполнявшей площадь. Но вот — все кончено. Рев и рукоплесканья толпы народа»⁶. На пленке Учителя — толчея, давка: очевидцы ринулись к казненным.

Повешение на площади перед «Гигантом» было единственной публичной казнью XX века в Ленинграде (и Петербурге). После 6 января военнопленные исчезли из официальной повестки, в местных газетах о них больше не писали.

***

Открытых источников о пленных немцах в Ленинграде и области чрезвычайно мало. Многие дела до сих пор засекречены. Так, еще весной 2021 года мы подали запрос на рассекречивание дела с отчетами НКВД «О режиме охраны и использования на работах военнопленных немцев»⁷, но на момент выхода этой книги ответа так и нет.

¹ В 1955 году ей присвоили имя Михаила Калинина.

² 28 декабря 1945 года в Ленинграде начался судебный процесс над нацистскими преступниками, которых обвиняли в убийствах и истязаниях советского гражданского населения. На скамье подсудимых оказались 11 нацистских преступников, и самым высокопоставленным среди них был генерал-майор вермахта Генрих Ремлингер — военный комендант Пскова. Также обвинения выдвинули командирам подразделений «кособого батальона», выполнявшего карательные функции: капитану Карлу-Герману Штрюфингу, обер-лейтенанту Францу Визе, лейтенанту Эдуарду Зоненфельду и их семи подчиненным унтер-офицерам и рядовым: Эрнсту Бему, Фрицу Энгелю, Эрвину Скотки, Герхарду Янике, Эрвину Эрнсту Гереру, Эрих-Паулю Фогелю и Арно Дюре. 4 января 1946 года военный трибунал Ленинградского военного округа приговорил восемь подсудимых во главе с Ремлингером к смертной казни через повешение, Фогель и Визе получили по 20 лет заключения, а Дюре — 15 лет.

Колонна немецких военнопленных проходит по проспекту 25 октября (Невскому), 1943 год. ФОТОГРАФИЯ ГРИГОРИЯ (ГИРША) ЧЕРТОВА ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КИНОФОТОФОНОДОКУМЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ⁸

³ Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области. Приговор // Смена. — 1946. — 5 января. — С. 3.

⁴ Ланской М. Приговор народа // Ленинградская правда. — 1946. — 6 января. — С. 4.

⁵ Приговор по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области приведен в исполнение // Смена. — 1946. — 6 января. — С. 3.

Из открытых архивов, впрочем, известно, что в местных лагерях НКВД были не только немцы. Например, по данным на октябрь 1946 года в лагере № 393 находилось 358 австрийцев и 77 венгров, немцев же было значительно больше: 9319 человек, в основном это были сержанты и рядовые. Офицеров среди них было всего 614⁹.

Жили они так (из акта осмотра лагерного отделения № 4 бывшего лагеря № 392 — вскоре его включили в состав лагеря № 393 — за 18 января 1946 года; всего в отделении было 3022 человека):

«[Военнопленные] размещены в двух кирпичных бараках, разбитых на отсеки по 240–250 [человек], двухэтажные нары двухъярусные. Помещения сильно заражены клопами, полы грязные, нары также, имеет место хранение дров под нарами. Постельного белья (матрацев, подушек,

одеял) нет, сушилки [отсутствуют]. Жил. помещения требуют дезинсекции — побелки.

<...> В Лазарете находится 119 человек, плюс один больной лежит в бараке, а четыре на [лагерных] пунктах. Больных ведут врачи в [оенно]пленные, записи в истории болезней на немецком языке, изолятора нет, условия обслуживания в палатах: матрацы грязные, [нательное] белье грязное, постельного белья нет. Вшивость достигает 50–60 %.

Мед. персонал работает без халатов. Профилактические мероприятия не производятся, хлорной извести нет, фаго-

⁶ Лукницкий П. Н. Ленинград действует... Т. 3. М., 1976. С. 306.

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 7. Д. 766.

⁸ В дальнейшем по тексту будет использоваться аббревиатура архива ЦГАКФФД СПб.

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 2-в. Д. 7466. Л. 390.

Немецкие военнопленные проходят колонной по Международному (ныне Московскому) проспекту (слева видны дома № 149 и 147), 24 января 1944 года. ФОТОГРАФ НЕИЗВЕСТЕН. ИЗ ФОНДОВ ЦГАКФФД СПб

10 Предупреждение бактериальных инфекций с помощью специфических бактериофагов.

профилактика¹⁰ и прививка не производятся, лазаретно-больные в основном тяжелые и многие инфекционные больные. Больные лежат в своей верхней одежде (брюки, фуфайки, шинели).

В декабре зарегистрировано 2 случая пневмонии, а после [лабораторного] исследования установлен брюшной тиф, оба умерли на 2–5 день. Вообще смертность велика, [например], с 1 по 15 января умерло 30 человек, из них 6 человек вне лазарета.

Работа сан. части не налажена, сам [начальник] сан. части относится к работе халатно: <...> аптеку ведет в[оенно]пленный, учета мед. имущества и его расхода нет»¹¹.

У 11 человек, находящихся в лазарете, была дистрофия¹²; девять лежали с «производственными травмами»; один — с ангиной; 21 — с воспалением легких; столько же — с гемофильной инфекцией; шестеро — с гриппом; 23 пациента страдали острыми желудочно-кишечными заболеваниями; 15 — кожными болезнями; двое — брюшным тифом; один военнопленный был с обморожением; 14 — с «прочими болезнями»¹³.

***

Но и многие ленинградцы после войны жили в чудовищных условиях. Доктор исторических наук Александра Ваксера в своей книге «Ленинград послевоенный» пишет: «Общезития Кировского завода, например, размещались в развалинах завода Фореля, в мало приспособленных зданиях на проспекте Стачек, № 30 и 39, в подтрибунных помещениях заводского стадиона, на территории завода. Семейные жили по четыре-десять-семнадцать семей с малышами в комнатах, разделенных на ячейки обрывками обоев, бумагой, простынями; одинокие — по несколько десятков в комнатах-казармах. Во многих корпусах не было туалетов, водопровода. Обычно в комнате стояла параша и тут же длинный ряд керосинок. Недаром обитатели называли такие жилища „концентрационными лагерями“, „вертепами“. <...> Многие предприятия и того не имели. На заводах им. Ворошилова (№ 800), им. ОГПУ (№ 349) и ряде других люди жили в цехах

11 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 2-в. Д. 7466. Л. 45.

12 В том же деле отмечено, что в лагере «имеют место систематические перебои в питании, вследствие отсутствия продуктов, питание двухразовое». Источник: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 2-в. Д. 7466. Л. 2.

13 Там же. Л. 44.

Военнопленные немцы в Ленинграде, 1944 год. ФОТОГРАФИЯ ДАВИДА ТРАХТЕНБЕРГА ИЗ ФОНДОВ ЦГАНФФД СПб.

по несколько сотен человек, в бытовках, ленинских комнатах и т. п. На заводе „Прогресс“, реэвакуированном из Омска, из 5257 человек жилплощадь имели лишь 745. Остальные 4512 жили в цехах, библиотеке, лабораториях»¹⁴.

***

В Ленинграде и области было не менее 11 лагерей военнопленных¹⁵, которые стали появляться в 1944 году. 29 сентября 1945 года вступило в силу «Положение о трудовом использовании военнопленных», согласно которому лагеря направляли на стройки и предприятия — в типовом договоре их именовали «хозорганами» — военнопленных и получали за это денежное вознаграждение.

«Администрации лагерей было непросто привлечь немцев к труду. Значительно осложняла решение этой задачи непригодность пленных к климатическим условиям Ленинградской области. Подавляющее большинство немецких военнопленных скрывали свою истинную специальность и квалификацию, чтобы уклониться от выполнения высокопрофессиональной работы. Огром-

¹⁴ Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982. СПб, 2005. С. 90–92.

¹⁵ Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982. СПб, 2005. С. 31–33.

16 Пянкевич В. Л. Немские военнопленные и организация их труда на территории Ленинграда и Ленинградской области. 1944–1949 гг. // Вестник СПбГУ. История. Серия 2. 2014. Выпуск 1.С. 169.

17 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 2-в. Д. 7466. Л. 51.

18 В другом фрагменте того же дела фамилию товарища пишут через «о» — Маломут.

19 Оргинструкторский отдел, или организационно-инструкторский отдел, осуществлял наблюдение и проверку деятельности партийных организаций, проверял исполнение ими решений съездов, конференций, пленумов Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК.

20 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 2-в. Д. 7466. Л. 6, 8.

ные трудности порождало то, что сотрудники лагерей в большинстве своем не знали немецкого языка», — пишет историк Владимир Пянкевич¹⁶.

Из акта осмотра лагерного отделения № 4 бывшего лагеря № 392: «Во время рабочего дня в[оенно]пленные стараются всякими мерами уклониться от выполнения работы, многие из них притворяются больными, часть их прячется по углам и подвалам, некоторые стараются отстояться у костров и т. д. Зафиксирован ряд случаев неподчинения и открытого сопротивления в[оенно]пленных [инженерно-технических работников] при попытке заставить их выполнять работу»¹⁷.

***

Судя по одному из докладов, в дегуманизирующем бюрократическом языке пленные немцы были синонимом словосочетания «рабочие единицы».

18 января 1946 года некий товарищ Маламут¹⁸ — будучи начальником дорожно-строительного района (ДСР № 4) — одновременно стал начальником лагерного отделения № 3 Лагеря № 393. Заключение из этого лагеря работали на восстановлении Нарвы, когда Маламут, по версии функционеров из ЦК КП(б) Эстонии, начал перебрасывать рабсилу на стройки ДСР. «Своими поступками тов. Маламут вывел из строя несколько сот рабочих единиц, доведя их до дистрофии и смерти», — писал в докладной ответственный организатор оргинструкторского отдела партии¹⁹ Цветиков. Так, в первом квартале 1946 года смертность военнопленных «приняла чрезвычайный размер» — умерли 187 «рабочих единиц»²⁰.

На это начальник Управления НКВД — МВД по Ленобласти генерал-лейтенант Иван Шикторов ответил, что при товарище Маламуте «физическое состояние военнопленных не ухудшилось, а улучшилось». За пять месяцев начальствования Маламут снизил вшивость военнопленных с 75–80 до 3,5 %, «лагерь был оборудован умывальниками, организована систематическая борьба с клопами». В доказательство Шикторов приводил следующие цифры: на январь 1946-го из 3007 военнопленных «труд-

фонд» составлял только 53 % (остальные — «больные и дистрофики»); на май «трудфонд» вырос до 77,5 %. Правда, количество пленных сократилось до 2756 человек — смерть почти 250 человек генерал-лейтенант в докладной не комментировал²¹.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24.
О. 2-в. Д. 7466. Л. 2, л. 3.

***

Немцы участвовали в строительстве новых домов, в восстановлении разрушенных зданий, а также были задействованы в промышленности. К третьей четверти 1946 года «трудвой фонд» лагерей — доля пленных, участвовавших в работах, — составил 92,7 % списочного состава. Историк Владимир Пянкевич отмечает, что этому способствовал отдел по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) — новая структура в аппарате УНКВД Ленобласти²².

Пленные относились к так называемому спецконтингенту.

Помимо немцев, в спецконтингент включили заключенных, репатриантов и бывших советских военнопленных. Называя спецконтингент «невидимками», историк Александр Ваксер пишет, что пленные немцы, «например, участвовали в восстановлении завода им. Воскова в Сестрорецке, работали на фабрике „Победа“, строили жилые дома и пр.». Пленные из вышеупомянутого отделения лагеря № 393 участвовали в строительстве коровника в деревне Переярово, работали на Инструментальном заводе и заводе им. Степана Разина, а также строили дороги в Кингисеппе²³.

²² Пянкевич В. Л. Немские военнопленные и организация их труда на территории Ленинграда и Ленинградской области. 1944–1949 гг. // Вестник СПбГУ. История. Серия 2. 2014. Выпуск 1. С. 170.

Толстый справочник «Лагеря для военнопленных НКВД — МВД СССР 1939–1957», изданный в Волгограде в 2013 году, — один из немногих источников, в котором мы нашли подтверждение сюжета «о пленных немцах» на строительстве ленинградских «коттеджей». На 341 странице — перечень районов, в которых спецконтингент из лагерей участвовал в возведении малоэтажных домов. Например, в 1946 году «в строительстве жилых городков в Кировском районе для завода № 12 и на станции Володарская, завода № 5 в п. Новая Деревня» участвовало лагерное отделение № 9 (1100 человек, все — немцы). Отделение ликвидировали 31 марта

²³ Ходяков М. В. Трудовое использование военнопленных Великой Отечественной войны на территории Ленинграда и Ленинградской области. 1944–1949 гг. // Россия в XX веке. СПб, 2008. С. 391–392.

24 Загорулько М. М., Сидоров С. Г., Цунаева Е. М. Лагерь для военнопленных НКВД — МВД СССР 1939–1957. Волгоград, 2013. С. 338–339.

25 Там же. С. 341.

26 Пянкевич В. Л. Немцы военнопленные и организация их труда на территории Ленинграда и Ленинградской области. 1944–1949 гг. // Вестник СПбГУ. История. Серия 2. 2014. Выпуск 1. С. 173.

1949 года²⁴. Также немцы строили малоэтажки на правом берегу Невы, в Щемиловке и для завода им. Кирова на Поварухиной (ныне Оборонной) улице²⁵.

Цифры спецконтингента в строительной отрасли Ленинграда и области разнятся. По данным историка Александра Ваксера, пленных немцев и прочих на 1 октября 1946 года было 12 тыс. из 112,2 тыс. строителей в целом — то есть 10,7 %. Историк Владимир Пянкевич указывает самую высокую цифру — 44,7 % (причем это были именно военнопленные, а не спецконтингент в целом)²⁶. В «Балансе труда по г. Ленинграду и Ленинградской области на 1947 год» указано, что спецконтингент составлял всего 8 тыс. человек²⁷.

Пянкевич пишет, что после аттестации 1946 года квалификационные комиссии выявили 4890 военнопленных основных строительных специальностей. При этом около 21 тыс. человек использовали в качестве разнорабочих²⁸.

Прибытие возвращающихся из советского плена немцев в транзитный лагерь во Фридланде, граница ФРГ и ГДР, 1955 год. После 1950 года, когда советское правительство объявило о завершении репатриации почти 2 млн военнопленных, в СССР оставалось еще более 13 тыс. бывших военнослужащих вермахта — подследственных или осужденных за военные преступления. Их освобождения добился канцлер Конрад Аденауэр во время визита в Москву в сентябре 1955 года. Надпись на вагоне: «Приветствуем Родину». ФОТОГРАФИЯ ВАЛЕРИЯ ХРИСТОФОРОВА / ТАСС

ХРИСТОФОРОВА / ТАСС